

мир за
неделю —
1999. 16-23 окт.
с. 10

Десять букв, первая «М»

Непредсказуемый, неожиданный, талантливый...
Встречайте. А дальше он сам о себе набрешет

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Огонек.

Распространяется только в розницу

На вступительных экзаменах в ГИТИСе его недослушали: зачем-то начал с военных симоновских стихов и слишком сильно кричал. Наверное, от волнения. «И погиб под самым Берлином, на последнем на поле минном, не простясь со своей подругой, не узнав, что родит ему сына...» Константин Райкин, поморщившись, остановил: «Довольно». И добавил, что, дескать, не стоит вам, молодой человек, тешить себя напрасными надеждами: не ваше это призвание. Здесь я, конечно, интересуюсь: «Скажи, ты потом Райкину припомнил «не ваше это призвание»?» — «Нет, боже упаси. Он был, наверное, прав...»

Ну да, сегодня он может позволить себе роскошь согласиться с тем приговором, давно заслуженно обласканный по жизни и с недавних пор «народный» по документам. Вахтанговский премьер, вишневский талисман, звезда в петлице любого уважающего себя «модного фильма» и почтенный VIP, чье присутствие удостоверяет достойный ранг тусовки. Обладатель отборной коллекции наград и актерской ставки с внушительной цифрой, которую он сам не назовет, но о количестве нулей вы можете справиться у его агента.

Для ответа на вопрос «кто такой?» информации к размышлению предостаточно. Да и размышлять не о чем. Десять букв, первая «м». Простенькая задачка, ясное дело: Маковецкий.

— Скажи, пожалуйста, тебя никогда не посещает радужная мысль, что в один прекрасный день все это может раз — и кончиться?

— Такая мысль, наверное, всех посещает. Но ведь это не должно закончиться в одностороннем порядке, да? Если актер не забронзовел, если он живой — не может интерес к нему иссякнуть вот так вдруг.

— Вот есть один известный когда-то артист, теперь в театре пальто подает. Можешь себя в этой роли представить — подающего?

— Нет. Я бы не пошел подавать пальто. Тем более в театре. Первое, что на ум приходит: бизнес. Но здесь нужен особый склад ума, особый нюх: что-то лежит на поверхности, легко протянуть руку и взять, а никто до тебя не додумался. Не знаю, насколько это мое. Да ладно, что мы будем зря фантазировать.

Короче, отмахнулся. Из суеверия, что ли? Нет, говорит, что не суеверен. Да и странно было бы: родился тринадцатого числа, через тринадцать лет после войны, и дом в киевской Дарнице, где детство провел, натурально значился под номером тринадцать по Харьковскому шоссе. И еще тринадцатым был его набор в школе, где он умудрился выскользнуть из жарких объятий пионерской организации. В школе он последовательно и неизменно серьезно увлекался фигурным катанием, хорovým пением, легкой ат-

Фото из журнала «Огонек»

летикой, народными танцами и водным поло.

— Знаешь, какая это жесткая игра? Толкают, бьют, притапливают — главное, чтоб судья не видел. Как только он к тебе повернется, нужно сразу поднять обе руки вверх: мол, я в порядке, мои ручки — вот они! Я с тренировки всегда приходил светящийся от воды, с красными от хлорки глазами. Мама сказала — и я в секунду бросил, переключился на театр.

К театру он подключен до сих пор, мама не возражает. Живет она все там же, в доме тринадцать по Харьковскому шоссе, в Киеве, про который Маковецкий неизменно говорит «мой родной». Без малого четверть века в Москве, но москвичом себя категорически не считает:

— Очень скучаю по Киеву, по его темпераменту. Москва — холодная.

— При ее-то бешеном ритме?

— Он не согревает, он раздражает. Чумной, сумасшедший город. А приезжаю в Киев — там мой любимый Крещатик, Андреевский спуск с церковью...

Есть у него старенькая фотография, из которой он все никак не соберется изгнать большой портрет. Молодой человек, косолопо рассекающий в клешах по любимому Крещатику; «ро-зочка» на голове, длинные волосы на обе стороны расчесаны, рубашка с воротником «собачьи уши». Про себя тогдашний говорит: «Я был р-р-романтик...» Таким и приехал покорять столицу. «С комплексом провинциала за пазухой?» — спрашиваю я, а он чуть не всерьез обижается:

— Я? С комплексом провинциала? О чем ты говоришь, приехал чистокровный Растинык. Да если бы у меня был этот комплекс, я не поступал бы сразу во все театральные институты, а к Олегу Табакову в ГИТИС — так дважды.

Дважды потому, что после того, как Райкин дал ему отлуп, он подошел к секретарю приемной комиссии и вежливо, но настойчиво поинтересовался: «Мне там что-то странное сказали, я не понял. Что, не прошел?» — «Да, не прошел». — «А кто этот чело-

век?» — «Райкин». «При чем здесь Райкин, я ведь к Табакову поступаю! Ты сделай так, чтобы меня сам Табаков и прослушал». И тот сделал, и Табаков прослушал — правда, уже не симоновского «Сына», а Булгаковского Ларюсика — и оценил: «Сразу на третий тур». А потом не взял: ребят талантливых поступало много, а Маковецкому со дня на день светила армия.

— Так ты в армии служил?

— Не-а. У меня в военном билете значится: «негодные, необученные». Уж как меня наш военком хотел забрать, а я ему сказал: «Нет, не пойду!»

— На что закошил?

— Только голова. Это рецепт нашим детям, потому что я не хочу, чтобы они служили в такой армии, где постоянное унижение и чувство голода, где нет элементарного мыла и полотенца, где солдатики вынуждены собой торговать на панели. Поэтому — только голова: проверить невозможно.

— Разменяв пятый десяток, уже готов к тому, что окликнут «папашей»?

— Ты что, какой пятый десяток? Тридцать два, не больше. А ощущаю себя вообще на двадцать пять. Зачем же кричать про сорок лет. Я слышал, что сорокалетие нельзя отмечать. Одна знакомая отпраздновала шумно, а потом у нее крупные неприятности произошли.

— Значит, ты все же суеверный.

— Да не суеверный я, а внушаемый. Любый мужчина очень сильно внушаем. Это мужская черта. И еще мнительность. Не дай бог, если в боку колышет...

Хорошо, пусть не суеверный, а внушаемый. Пусть не сорок с хвостиком, а двадцать пять — если так себя ощущает. Все равно двадцатипятилетнему Маковецкому с нынешними семнадцатилетними общего языка не найти. Он с этим соглашается и в подтверждение рассказывает байку о Роме Виктюке. Есть у Виктюка такая фенечка: когда актер или актриса впадает в излишний пафос, он может оса-

дить: «Что ты как Олег Кошевой на допросе?» или «Ну ты прямо Ульяна Громова, которая идет взрывать штаб!». Недавно Виктюк набирал новый курс, брякнул по привычке что-то подобное и вдруг понял, что они не знают, ни кто такой Олег Кошевой, ни кто такая Ульяна Громова.

— Нет, ты представляешь, не знают. Ни про Ленина, ни про Брежнева.

— У тебя небось эти имена от зубов отскакивали — хоть ночью разбуди?

— Я очень хорошо сдавал экзамены по истории КПСС.

— И при этом знал что к чему?

— Я всегда все знал наизусть, у меня память отличная.

— Да я не про экзамены, а про жизнь.

— Если я скажу сейчас, что все-де понимал, это будет ложь. Нет, я в свое время даже читал «Архипелаг ГУЛАГ» в распечатке, то есть кое-что соображал, но не заикливался на этом. Жил как живет: занимался спортом, театром, романы крутил. В студенческие годы всем был доволен, потому что прекрасно обходился стипендией, которую получал, да еще мама денюжат подбрасывала. Так что все меня устраивало.

Я был, что называется, ни уха ни рыла в западной музыке, в жизни не увлекался «битлами». Рядом не оказалось друга, который обладал бы магнитофоном и перепечатывал бы эти записи.

— Чем же ты свой слух услаждал?

— А теми пластинками, которые у нас дома были. «Крепче за баранку держись, шофер...», «Только черному коту и не везет...», «Рула ты, рула...» Еще я воспитан на военных песнях и фильмах о войне равнодушно не могу смотреть — у меня такое чувство, будто сам воевал и погиб.

— Если бы тебе нужно было представить Сергея Маковецкого публике, которая о нем ничего не знает, что бы сказал?

— Самый непредсказуемый, неожиданный, талантливый актер — к вашим услугам. Встречайте. А дальше он сам о себе набрешет.

Маковецкий

16.10.99